

«Дом Госбанка»: люди и судьбы

М. Г. Николаев,

*главный эксперт Департамента международного сотрудничества
и общественных коммуникаций Банка России*

Если история здания Московской конторы Государственного банка на Неглинной улице, д. 12, в котором сегодня размещен центральный аппарат Банка России, уже давно стала темой, изучение которой нашло отражение в ряде публикаций¹ (примечания см. после основного текста. – *Прим. ред.*), то про другие московские адреса, имеющие отношение к банку (прежде всего в советский период), известно крайне мало, особенно если они связаны не с производственной, а с бытовой стороной жизни банковских служащих. Судьбы людей, их повседневная жизнь, жилищные условия, отдых и семейный досуг, духовные ценности все еще остаются на периферии внимания тех, кто занимается реконструкцией прошлого главного банка страны. Об одном московском здании и некоторых людях, его населявших, мы и хотим здесь рассказать.

Из адресов, по которым в 1920-х годах компактно проживали семьи служащих Госбанка СССР, наиболее известен дом № 12 по Никитскому бульвару, который был построен по проекту архитектора Г. Нилуса в 1913 г. для служащих Московской конторы Государственного банка. Другой дом располагался по соседству на Тверском бульваре (дом № 6). В нем, например, проживали до дня своего ареста в 1930 г. члены Правления Госбанка СССР А. А. Блюм (кв. № 11)² и З. С. Каценеленбаум³ (кв. № 37). Позже последнюю квартиру занимал Н. П. Румянцев – начальник управления центральной бухгалтерии Госбанка СССР, в свою очередь арестованный 12 декабря 1937 г.⁴ В квартире № 15 был прописан М. И. Штерн, пришедший на ответственную работу в Госбанк с должности начальника управления по финансированию сельского хозяйства НКФ СССР (арестован 2 июня 1937 г.)⁵, в квартире № 30 – Г. М. Абезгауз, начальник отдела денежного обращения и кассового плана Госбанка СССР (арестован 29 апреля 1937 г.)⁶. Жили госбанковцы и в доме № 24 по Большой Коммунистической улице⁷. Очевидно, квартиры для сотрудников Госбанка имелись и в здании бывшей Ссудной казны (Настасьинский пер., д. 3)⁸.

Семье одного из ответственных работников Госбанка Н. А. Сканава⁹ выпала судьба последовательно быть прописанной по трем адресам: сначала с 1922 г. в двух комнатах дома на Никитском бульваре, затем в отдельной квартире на Тверском с общим коридором, где согласно воспоминаниям его дочери – Марианны Николаевны – можно было кататься на велосипеде, и, наконец, в квартире № 200 дома № 20 по Ленинградскому шоссе.

О жилищном кризисе 1920-х годов хорошо известно. Достаточно вспомнить красочные сцены, нарисованные Ильфом и Петровым, Булгаковым и др. Постановление СНК СССР от 19 августа 1924 г. «О жилищной кооперации», признавая существование этого кризиса, разрешило гражданам «добровольно объединяться в жилищные кооперативные товарищества». Предусматривалось три их вида: жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы); рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСКТ) и общегражданские жилищно-строительные кооперативные това-

рищества (ОЖСКТ). РЖСКТам предоставлялись особые льготы, определяемые постановлениями центральных исполнительных комитетов союзных республик. В число членов этих товариществ могли входить не только рабочие, но и служащие государственных предприятий и учреждений. Лица, утратившие избирательные права, подлежали исключению из состава товарищества с утратой права на занимаемые ими помещения. Средства РЖСКТов должны были формироваться из вступительных взносов и паев, ежемесячных взносов на содержание домовладения, поступлений от арендной платы за сдаваемые нежилые помещения и иных поступлений.

На основе вышеуказанного августовского постановления и создано РЖСКТ «Новая Москва». Проект шестиэтажного дома в районе Тверской заставы по адресу: Ленинградское шоссе, д. 20 (*позднее получивший в обиходе наименование «дом Госбанка»*) стал первым самостоятельным проектом молодого архитектора Николая Джемсовича (Яковлевича) Колли, ранее привлекавшегося к работам по проектированию Казанского вокзала (1913–1915 гг.) и павильонов на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г. Его более поздние работы также хорошо известны москвичам. Это, прежде всего, проекты наружных павильонов станций метрополитена «Смоленская», «Кировская» (ныне «Чистые пруды»), «Парк культуры» (северный вестибюль), «Павелецкая» (кольцевая).

После произошедшего в декабре 1957 г. переименования «шоссе» в «проспект» изменилась и нумерация домов. С этого периода по настоящее время новый адрес «дома Госбанка»: Ленинградский проспект, д. 14¹⁰. План и фотографии строения опубликовал в 1927 г. журнал Московского архитектурного общества¹¹.

Описание дома, а также портретные зарисовки некоторых его обитателей можно найти у писательницы Елены Ржевской (Каган) – дочери одного из ответственных финансовых работников, награжденного золотым червонцем, который, как она уверяет, в качестве ценного подарка вручали активным деятелям по проведению денежной реформы 1922–1924 гг.¹²: «Наш дом разлегся буквой «П» на беговых дорожках, куда еще недавно выводили из конюшен купца Елисеева размяться лошадей – знаменитых призеров воскресных заездов. В каменной сторожке, у входа во двор, все еще жил елисеевский сторож... Нарядные жокеи и наездники что ни день запросто выезжали из бывших конюшен Елисеева и лениво, небрежно постукивали копыта дорогих реквизированных лошадей — мимо нас, наперерез аллеям Ленинградского шоссе, удаляясь на Бега»¹³. Недалеко располагался завод «Дукс»¹⁴, клуб которого носил название «Красная Звезда» и примыкал к задворкам дома. Согласно воспоминаниям жильцов, начало и конец 1-й и 2-й смен рабочего дня сопровождалось сигнальными заводскими гудками даже в послевоенное время¹⁵.

В доме с аркой посередине насчитывалось 10 подъездов. Квартиры с высокими потолками (3 м) состояли из разного ко-

личества комнат – до пяти и даже больше. Вопрос о том, как происходило заселение дома, кто получил возможность стать членом кооперативного товарищества, требует специального выяснения. Весьма вероятно, что ответственные работники, и, конечно же, не только госбанковские, имели здесь преимущество, в том числе и по причине лучшей материальной обеспеченности, возможности выплатить пай. Е. М. Ржевская упоминает об особо выгодных условиях для жильцов (срок уплаты кооперативного пая был рассчитан аж на 30 лет!).

Ю. А. Тимофеев (1941 г. р.), внук одного из госбанковцев, описал четырехкомнатную квартиру, в которой проживала состоящая из нескольких поколений семья в семь человек: «самая большая комната имела площадь 22 кв. м (к ней примыкал балкон), вторая по величине – 15,6 кв. м, и третья – 11 кв. м (в ней проживали родители с двумя детьми). Четвертая комната – 9 кв. м (ее после ареста главы семьи пришлось уступить подселенцам). Квартира имела кухню 12 кв. м с газовой плитой, «холодным помещением» площадью 1 кв. м и раковиной с краном холодной воды, туалетом и ванной комнатой, общим размером 1,5 на 2,5 кв. м. Центральным звеном квартиры был коридор, по одну сторону которого располагались две большие комнаты, а по другую – две меньшие комнаты, кухня и туалет; ванная была в конце коридора. Коридор был достаточно широкий, в нем стоял большой сундук, окованный железом, и большой ларь, в котором хранили овощи. В подвале подъезда находилась котельная, в которой размещалось оборудование для отопления и подачи воды в квартиры. В качестве топлива использовался каменный уголь»¹⁶.

Е. М. Ржевская, оставив множество портретных зарисовок на страницах воспоминаний о детских и юношеских годах, не прошла и мимо семьи своих соседей по лестничной клетке – супругов Коробковых¹⁷, чей старший сын Гавриил (Гаврик) – позже известный спортсмен-легкоатлет и тренер сборной СССР – был ее ровесником: «На обшитой черным дерматином двери квартиры № 6, соседствующей с нашей, – медная дощечка «В. С. Коробков». Там, за этой дверью, – огромная уютная квартира, богатая библиотека, образованный отец, дивной красоты мать, два удачных сына, Гаврик и его младший брат, преданная домашняя работница Акуля, куличи и крашенные яйца на Пасху, достаток, потому что беспартийный В. С. Коробков получал оклад, в три раза превышающий партмаксимум нашего отца, хотя отец был старше его по должности. Сдержанный, педантичный человек Виталий Славич, приходя с работы, низко склонившись, – он был высокого роста, – целовал в лоб жену Веру Константиновну, сыновей и, выпив в кругу семьи вечерний чай, удалялся в свой сказочный кабинет – весь в кожаных тисненых корешках книг за стеклами шкафов вдоль стен»...

В детской памяти навсегда запечатлелось, как при неприменном участии главы семьи запускалась привезенная им из США игрушечная электрическая железная дорога, как «...по полу вкруговую по рельсам со свистом и гудками мчал красный степенсоновский паровозик и за ним бежал целый состав маленьких вагонов со светящимися окошками... Это же была сказка сказок, – заключает писательница – волшебство»¹⁸.

Семьи Каган и Коробковых были больше, чем соседями. Дело в том, что комната, отведенная в семье Каган под «детскую», в поэтажных планах значилась как часть квартиры В. С. Коробкова. Но еще в процессе строительства Виталий Славович предложил соседям присоединить к себе одну «лишнюю» комнату: благо, ему хватало. После полученного согласия ее дверь, ведущая в коридор коробковской квартиры, была снята, проем заштукатурен, а новый вход прорублен в столовую соседей.

Прошло несколько лет. Заканчивалась нэповская эпоха. Наступали новые времена. В первой половине 1930-х годов в

Госбанке приступила к работе комиссия по чистке госаппарата. С этого момента начался отсчет времени, который завершился трагедией для ряда семей, проживавших в «доме Госбанка». Чистка советского госаппарата являлась мероприятием всесоюзного масштаба и проходила с 1929-го по 1932 г. Руководили проверкой органы объединенного партийно-государственного контроля ЦКК-РКИ с привлечением представителей от рабочих промышленных предприятий. Кампания по чистке широко освещалась в прессе. Работа соответствующих комиссий заканчивалась персональной чисткой.

Для вычищаемых были предусмотрены три категории. К первой категории, согласно инструкции, должны были быть отнесены лица, «оценка работы которых показывает абсолютную невозможность их исправления и безусловность вреда, наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса». Ко второй категории были отнесены лица, «которых вредно оставить на работе в данном учреждении или в данной местности, но которые...могут еще исправиться и могут быть использованы в учреждениях другого типа или в другой местности». Третья категория объединяла тех, кого «нецелесообразно использовать в дальнейшем на ответственных должностях, но которым может быть без вреда для советского государства предоставлена работа технического порядка в этих же или других учреждениях и предприятиях»¹⁹.

Уволенный по первой категории лишился права на выходное пособие, на пособие по безработице, права на пенсию, брался биржами труда на особый учет и не имел права устраиваться на предприятия социалистического сектора. Увольняемым по второй или третьей категории необходимо было искать иное место работы, а часто и место жительства. В трудовые книжки служащим госаппарата надлежало ставить штамп о прохождении чистки. В разгар кампании высказывались и более радикальные предложения. Так, в письме, направленном в «Рабочую газету» (апрель 1929 г.), один из рабочих московского завода «Изолятор» предлагал вычищенным из государственного и кооперативного аппарата ставить печать на всех документах с обозначением: «преступник», «жулик», «бюрократ». Другой его уральский коллега настаивал на том, чтобы «бывших» людей снабдили паспортами, удостоверениями с фотографиями, где бы были указаны дореволюционные социальные характеристики – «полицейский, жандарм, фабрикант, чиновник, князь»²⁰.

В окончательном тексте инструкции, изданном в виде брошюры, жирным шрифтом было выделено: «запретить вычищать из советского аппарата кого бы то ни было только из-за того, что он является сыном или дочерью «бывших» людей». Однако это благое пожелание отнюдь не стало препятствием тому, чтобы развернувшаяся чистка превратилась в травлю старых специалистов (особенно на фоне кампании по разоблачению «вредительства»).

Так, бывшего директора, а затем заместителя директора кредитной группы «Е» *Г. В. Рочко*²¹ (согласно материалам комиссии по чистке аппарата Кредитно-планового управления Госбанка от 18 апреля 1930 г.) по причине его купеческого происхождения, службы в Сибирском торговом банке и сотрудничества в либеральных и кадетских изданиях в качестве критика и фельетониста («Русские ведомости», «Речь»),



а также за другие «прегрешения» вычистили по второй категории. Центральная комиссия по чистке Госбанка отклонила апелляцию Г. В. Рочко, проигнорировав «особое мнение» члена комиссии, представителя партиячейки Правления Госбанка Кацнельсона, считавшего «достаточным объявить выговор и на работе в Госбанке оставить»²².

Сохранился в материалах комиссии по чистке и донос, написанный сотрудницей кредитной группы «Е» Корюгиной. В нем заместителю директора вменялось в вину «неряшливое, небрежное отношение к молодым специалистам, недооценка их и неверие в них». Излагая разногласия с начальством по ряду производственных вопросов, Корюгина обвиняет Рочко в том, что он «не принимает установок правительства и Правления банка»²³.

В число вычищенных попал и другой жилец «дома Госбанка» – В. А. Лепешкин²⁴, бывший главный бухгалтер Правления Госбанка. Его «грехи» состояли уже в одном только том, что он, согласно «объективке», с 1909-го по 1917 г. работал «в Госбанке Российской империи»²⁵. Целый перечень обвинений был предъявлен директору ИНО Госбанка В. С. Коробкову. В протокол центральной комиссии по чистке аппарата Госбанка СССР от 30 июня 1930 г. вписана фраза о том, что в Октябрьские дни Коробков стоял «во главе реакционного банковского чиновничества».

Согласно другому пункту обвинения, Коробков, «одержимый честолюбием, упорно присваивает себе идею твердой валюты (введение червонца)». Вспомнили ему и так называемую «золотую операцию», исказив ее конечный результат: «Настоял в 28 г. на завозе в Америку золота, не отнесся к этому с должной вдумчивостью и осторожностью, в результате чего 10 мил. советского золота было захвачено французским банком»²⁶. Решение комиссии предписывало: «С работы в Госбанке снять». В протоколе зафиксировано «особое мнение» главы Госбанка Г. Л. Пятакова: «... Коробкова можно и должно использовать на работе в Госбанке»²⁷. Увы, в борьбе с установками на ужесточение отношения к спецам, исходящими от сталинского руководства, аргументы защиты были бессильны.

Согласно итогам чистки, из общего числа проверенных 2554 сотрудников Госбанка СССР было вычищено по первой категории – 37 чел., по второй – 44 чел., по третьей – 71 чел., всего снято по категориям – 152 чел., или 5,9% к проверенным, снято без категорий – 61 чел. Всего снято 213 чел., или 8,3% к общему числу проверенных. Кроме того на 92 чел. были наложены дисциплинарные взыскания. (Для сравнения: по союзным учреждениям из общего числа проверенных 11 837 чел. было вычищено 7,3% . Снято без категорий – 11,4%. Кроме того, наложено дисциплинарных взысканий на 263 чел.)²⁸.

Так, Н. А. Сканави после «вычищения» «искупал вину», работая на Люберецком заводе сельскохозяйственного машиностроения. Однако вернуться назад, очистившись от «скверны» и поварившись в «пролетарском котле», ему не было суждено.

Внутриполитическая обстановка продолжала накаляться: ОГПУ в срочном порядке фабриковало дела о «вредительстве», и материалы, всплывшие в ходе чистки, пришлись как нельзя кстати. В числе других было состряпано и «госбанковское дело»²⁹, к которому привлекли 26 человек. Решением Коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. 1 чел. был приговорен к расстрелу, 6 – к десяти годам и 18 – к пяти годам заключения в ИТЛ. Один арестованный был освобожден. Из 26 арестованных 16 человек виновными себя не признали, 3 признали частично.

Аресты коснулись целого ряда госбанковцев, проживавших в доме № 20: Н. А. Сканави, В. С. Коробкова, Г. В. Рочко, А. Я. Горштейна³⁰, В. А. Лепешкина, А. Н. Сахарова, А. Ф. Ти-

мофеева³¹. Раньше всех – в ночь с 17 на 18 сентября – был арестован В. С. Коробков, остальные были взяты в ходе групповых арестов, происшедших в ночь на 2 и с 16 на 17 декабря.

М. Н. Сканави-Строева вспоминала: «... В конце 1930 года, ночью, у нас в квартире раздался резкий звонок. Папа открыл дверь. Вошел военный с ордером на обыск и арест. На площадке остались понятые. Мы вскочили с кроватей в ночных рубашках, дрожа больше от ужаса, чем от холода. Военный перерыл папин стол и книжные полки, ничего не нашел и резко приказал: «Одевайтесь!» А маме бросил: «Соберите



мужу, что надо. Бритву и нож — нельзя!» Мы застыли в коридоре. Папе велели выходить. Он наскоро обнял нас и вышел. Дверь захлопнулась. Мы сели на диван рядом с мамой. Она молча обняла нас за плечи.

Мы продолжали дрожать. Так произошло то, чего все тогда боялись. Утром мы узнали, что «черные вороны» подъезжали к каждому подъезду нашего дома и забирали всех, поименованных в списке работников Госбанка. Потом начались хождения в Бутырку с передачами.

Жена Н. А. Сканави – Елена Евгеньевна, как и жены некоторых других арестованных, пыталась вступить за мужа, обратившись с письмом на имя главы ОГПУ В. Р. Менжинского. Вот текст этого письма:

«Вячеслав Рудольфович!

Если у меня не было большого внутреннего протеста против ареста моего мужа Николая Александровича Сканави, по той причине, что я считаю правом и обязанностью ГПУ **пересмотреть** всех старых специалистов, то я должна решительно протестовать, когда задерживается в тюрьме ни в чем неповинный человек, человек, отдающий все свои силы на работу для укрепления Советской власти. Ведь это значит вынимать из фундамента Здания Социалистического Строительства камень, хотя бы и небольшой, не говоря уже о несправедливости в отношении данного человека.

Я утверждаю, что нет ни одного факта в жизни и деятельности моего мужа, который можно было истолковать как не идущий на пользу Строительства Социализма.

Что дает мне право сказать так? То, что я знаю каждый его шаг. Это не преувеличение и не самоуверенность, и причина не в моей особой пронизательности. Причина в том, что по своим особенностям характера это человек, которого нельзя, соприкасаясь с ним, не узнать во всех подробностях и очень быстро. Это человек до чрезвычайности искренний, откровенный, **лишенный** умения скрывать свои мысли, стремящийся делиться с другими всяким своим переживанием. Как всякий человек слабой воли, ищущий в этом проверки самого себя, в своей откровенности не щадящий своего самолюбия. Человек, которому чуждо честолюбие и тщеславие, крайне нетребовательный, он не ищет ни особого положения, ни больших материальных благ, он ищет только быть в мире с самим собою.

Для человека не воли, а чувства такой мир достигается верой во что-либо.

Для того, чтобы действовать, ему надо верить... Он поверил в Советское Строительство. В нем он нашел цель и смысл жизни и без колебаний работал со всей присущей ему добросовестностью для дела Социализма.

Не поколебали его несколько и два последних года, тяжелых для него лично.

Тяжело переживая ту полосу недоверия и предвзятости, которая в вполне понятных причинах не могла не устанавливаться порой против **всех** старых специалистов, он не изменил своей вере и своей работе, отдавая работе, я повторяю, все свои силы и знания, все свое время...

Просьба моя к Вам, Вячеслав Рудольфович, чтобы Вы взяли на себя труд лично убедиться в правоте моих слов.

Е. Сканави (Порай-Кошиц).

Р.С. Николай Александрович Сканави работал с 1922 г. по март 1930 г. в Госбанке, в отделе кредита консультантом. С мая 1930 г. на Люберецком заводе с.хоз. машиностроения. Арестован 16/ХП 1930 г. [подпись]³².

Как ряд других подобных обращений, это письмо никак не повлияло на смягчение судьбы подсудимого. Никто из брошенных в камеры, не ощущал за собой вины. В. А. Лепешкин сразу же в момент ареста в анкете «для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ» в строке «примечания заключенного» наивно записал: «Прошу очень меня скорее допросить. Уверен, что арестован по недоразумению. 2.12.1930». Увы, подобным надеждам не суждено было сбыться.

Необходимо сказать, что приговоры осужденным по «госбанковскому делу» в большинстве случаев содержали пункты о конфискации имущества и высылке семьи. Можно понять тех, кто пытался всеми способами избежать несправедливого решения заочного суда, тем более что они зачастую не предусматривали все сложности семейно-имущественных отношений. «Из квартиры № 6, – вспоминает Е. М. Ржевская о трагедии семьи Коробковых, – спешно вывозилась к родственникам карельской березы инкрустированная мебель, рояль. Опасались конфискации имущества. Оставались книги – на них, в случае чего, никто б тогда не позарился... Вероятно, опасаясь уплотнения, – а к тому времени наш дом уже не был кооперативным – обычный дом, – Вера Константиновна поселила у себя старушку мать и старшую сестру Надю с сыномлевой. Бравшая раньше уроки вокала, она после ареста Виталия Славовича никогда больше не пела, и за всю свою долгую жизнь Вера Константиновна ни разу больше не села за рояль»³³. Можно предположить, что из-за опасения конфискации и/или с целью получения арендной платы в условиях лишения средств к существованию В. К. Коробкова вынуждена была пустить в свою квартиру жильца. Таким образом в кабинете В. С. Коробкова поселился член кооперативного товарищества Капушевский. Позднее, в нарушение устава РЖСКТ, эта комната была за ним незаконно закреплена.

Обилие всевозможных казусов и связанных с ними письменных заявлений, очевидно, сыграли свою роль. Коллегия ОГПУ в период с 15 мая по 28 июня 1931 г. решила пересмотреть свои приговоры в отношении конфискации имущества и высылки семей многих осужденных. Однако, судя по всему, это не помешало обосновавшимся в комнатах арестованных сотрудникам ОГПУ сохранить за собой полученную жилплощадь³⁴. Очевидно, что органы ОГПУ-НКВД-МВД активно стремились заселять своих сотрудников в дом, окна которого выходили на правительственную трассу. Ю. А. Тимофеев (1941 г. р.), например, вспоминает о семье Авдошиных, проживавших в 13-метровой комнате 4-комнатной «коммуналки». Ее глава был лейтенантом НКВД³⁵.

Что касается В. С. Коробкова, то активно вмешаться в решение квартирного вопроса (о восстановлении его права на спорную комнату и аннулировании закрепления ее за Капушевским) он, очевидно, смог только после 13 июня 1935 г.,

когда был освобожден из БАМЛАГа и оставлен работать в финансовых органах гулаговской системы в качестве вольнонаемного. Тяжба длилась несколько лет. И, как это ни покажется странным, в 1937 г. закон и справедливость, в данном конкретном случае, вопреки общей тенденции, восторжествовали! Заметка об этом деле была опубликована в журнале «Советская юстиция» № 8 за 1937 год.

Поменялся состав жильцов и в квартире А. Ф. Тимофеева, превратившейся в коммунальную. Репрессии не только ударили по личному благополучию арестованных госбанковцев, но и внесли разлад в их семейную жизнь. После ареста мужа, – вспоминает внук Ю. А. Тимофеев, – «бабушке пришлось с ним развестись, а в одну из комнат организовать подселение посторонних людей, чтобы таким образом оградить от преследования себя и детей и сохранить жилье... Дедушку выпустили через три года и разрешили поселиться в квартире, обвинение было ложным. Но семья распалась, продолжая жить в одной квартире, бабушка не простил бабушку за развод».

Новая волна арестов прошла в годы «большого террора» (1937–1938). Из числа жителей дома № 20 были расстреляны 16 человек. Среди них и несколько госбанковцев: *А. Л. Пинус* – замначальника планово-экономического отдела Госбанка СССР³⁶, *П. Я. Гробинь* – старший консультант Правления Госбанка СССР³⁷, *М. А. Лавров* – замначальника Управления центральной бухгалтерии Госбанка СССР³⁸, *П. П. Горбунов* – начальник Управления по кредитованию организаций лесной промышленности Госбанка СССР³⁹. В числе арестованных был также *М. В. Выносков*, управляющий Сельхозбанком СССР⁴⁰.

Еще раньше 4 февраля 1936 г. был арестован, а 4 ноября расстрелян бывший замнаркома финансов СССР *А. О. Альский*⁴¹ (проживавший в д. № 20, корп. 2, кв. 136). Арестованного в Кремлевском отделении Боткинской больницы, где он находился на лечении, Альского привезли в квартиру, где он не сомкнул глаз до 12 часов следующего дня в то время, как сотрудники НКВД проводили обыск. Вечером к нему приезжали врачи, и консилиум, очевидно, проходил одновременно с оперативным мероприятием. Эти подробности известны из рапорта, написанного сотрудником НКВД, руководившим обыском⁴². Проживавшая в той же квартире Вильма Михайловна Шаркади, венгерка, рожденная в Румынии, член австрийской компартии с 1918 г. и ВКП(б) с 1927 г., судя по материалам допроса от 22 августа, сама вызвалась проинформировать следственные органы о «связях и контрреволюционной деятельности Альского и других известных ей троцкистов». То, что она предприняла этот шаг только спустя полгода после произошедшего ареста, можно объяснить реакцией на ту пропагандистскую истерию, которая сопровождала проходивший 19–24 августа судебный процесс по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» («процесс Каменева – Зиновьева»). Из показаний В. М. Шаркади можно узнать о контактах семьи Альского с Г. Я. Сокольниковым, о недавнем посещении их квартиры Г. Е. Зиновьевым, материальной помощи К. Б. Радека, о близости с неким А. Я. Буланкиным, исключенным в 1929 г. из партии «по делу троцкистской группы в Госбанке» и другие подробности⁴³.

Комнаты арестованных печатались.

Очевидно, еще в довоенный период рядом с основным корпусом появились две пристройки. Повествуя о более позднем времени, М. Н. Сканави-Строева сообщает: «В эти годы мы уже жили на другой квартире. В том же доме построили во дворе еще два корпуса, и нам пришлось туда переселиться, так как на нашу 4-комнатную квартиру в первом корпусе претендовало какое-то начальство»⁴⁴.



По проекту архитектора Н. Н. Селиванова в 1954 г. дом был надстроен, а фасады подвергнуты перделке. Е. М. Ржевская фиксирует происходящие изменения: «Наш дом надстроен. Жильцы цокольного этажа переселены вверх в надстройку»⁴⁵.

После смерти Сталина возвратились домой некоторые из репрессированных. Писатель Л. А. Финк вспоминал о том, как ему – заключенному, освоившему в лагере профессию финансиста, его вольнонаемный начальник В. С. Коробков перед выходом на пенсию и отъездом в Москву при прощании сказал: «Вы молоды и наверняка увидите

другую жизнь. Будете в Москве – разыщите на Ленинградском шоссе дом № 20. Буду очень рад с вами встретиться». Только лет через десять Л. И. Финк нашел вод для встречи. В живых он Виталия Славовича уже не застал⁴⁶.

Проходили годы, постепенно менялся состав жильцов, и та связь, которая соединяла бывший кооперативный дом с Госбанком, все более и более утрачивалась. И тем не менее на довольно продолжительный период история здания оказалась тесно переплетенной с судьбами людей, его населявших.

Завершая повествование об этом доме, приведем строки Е. М. Ржевской, которую мы неоднократно здесь цитировали: «Называется – наш дом. А на самом деле – это же судьба. И то, где стоит дом, куда выходят окна, что по соседству и кто жильцы, – судьба»⁴⁷. Сплетение этих судеб: людей, вещей, строений, памятников материальной и духовной культуры – все это составляет неотъемлемую часть и банковской истории, которую еще предстоит воссоздать во всей ее полноте и многообразии. ■

¹ Бугров А. В. Из истории Московской конторы Государственного банка Российской империи // Деньги и кредит. 1997. № 9; Бугров А. В. Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999; Левичева И. Н. Банк России: история строительства архитектурного комплекса на Неглинной // Деньги и кредит. 2000. № 5; Левичева И. Н. Очерк по истории строительства здания Московской конторы Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII в. – начало XX в. М., 2004; Левичева И. Н. Здание Московской конторы Государственного банка // История Банка России 1860–2010. Т. 1. М. 2010. С. 567–589; Архитектурное наследие Быковских в Москве. Т. 2: Архитектурное наследие К. М. Быковского в Москве / Авторы-составители: С. В. Сергеев, К. В. Иванова. М., 2011; Розанова Т. М. Архитектор Константин Быковский / Т. М. Розанова. М., 2012.

² Подробнее о нем см.: Николаев М. Г. «Банковский ликбез» для сценаристов ОГПУ. Тюремная записка члена Правления Госбанка СССР А. А. Блюма // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 3–23.

³ Каценеленбаум Захарий Соломонович (Залман Шлимович) (1885–1960), с октября 1921 г. по 1930 г. член правления Госбанка РСФСР (СССР), активный участник проведения денежной реформы 1922–1924 гг. Арестован 17 сентября 1930 г. По делу о «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» Коллегией ОГПУ 25 апреля 1931 г. осужден на пять лет ИТЛ, виновным себя не признал. Для отбытия наказания направлен в Вишлаг ОГПУ, после пересмотра приговора в декабре 1931 г. срок сокращен на один год. 2 сентября 1932 г. заключение в ИТЛ заменено высылкой на оставшийся срок в Западную Сибирь, куда он и был перенаправлен после снятия с этапа, следующего в Дальлаг. В 1933 г. переведен на работу в Москву (замначальника финансового отдела Московского управления Дальстроя), в 1939–1946 гг. профессор Института цветных металлов и золота Всесоюзного заочного финансового института, с 1945 г. сотрудник Научно-исследовательского финансового ин-

ститута при НКФ СССР и профессор Московского финансового института, в период кампании борьбы с «космополитизмом» (1948) уволен. С 1955 г. профессор Московского государственного экономического института. Реабилитирован 3 октября 1957 года.

⁴ Румянцев Николай Павлович (1885–1938). Родился в 1885 г. в г. Николаевске, Самарской губ. Образование незаконченное высшее, беспартийный. Последняя должность перед арестом – начальник управления центральной бухгалтерии Госбанка СССР. Арестован 12 декабря 1937 г. По обвинению в антисоветской вредительской деятельности приговорен ВКВС СССР к расстрелу 7 февраля и расстрелян 8 февраля 1938 г. Реабилитирован 7 июля 1956 года.

⁵ Штерн Макс Исаакович (1889–1937). Родился 26.02.1889 г. во Владимире-Вольнском. Образование среднее. В 1917–1918 гг. член партии меньшевиков-интернационалистов. В РКП (б) с 1918 г. В 1923–1924 гг. руководил Красноярским отделением Госбанка СССР. Позже на ответственной работе в Наркомфине и Госбанке. Исключался из ВКП(б), восстановлен. Последняя должность перед арестом – зам. коммерческого директора «Мосторга». Арестован 2 июня 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 9 сентября 1937 г. по обвинению в участии в к.-р. вредительской организации, в этот же день расстрелян. Реабилитирован 17 декабря 1955 года

⁶ Абезгауз Гавриил Моисеевич (1900–1937). Родился 14.03.1900 г. в Женеве. Образование высшее, член ВКП(б). Начальник отдела денежного обращения и кассового плана Госбанка СССР. Арестован 29 апреля 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 4 августа 1937 г. по обвинению в участии в к.-р. террористической организации к расстрелу, в тот же день расстрелян. Реабилитирован 7 июля 1956 года.

⁷ Только из числа проживавших в доме сотрудников Правления Госбанка СССР были арестованы: Мендельс Артур Ильич (1890–1938), зам. директора экспертного отдела Управления иностранных операций; Зинов Александр Карлович (1897–1938), консультант Центральной бухгалтерии; Целинникер Сруль Мейерович (1896–1938), и.о. на-

чальника Управления кредитования торговли; Арсон Соломон Иосифович (1883–1938), бывший начальник Управления по кредитованию тяжелой промышленности, перед арестом – начальник отдела финансирования внутренней торговли и заготовок Наркомата финансов СССР; Берман Александр Борисович (1906–1937), служащий правления; Глац Карл Густавович (1887–1938), старший консультант Управления иностранных операций; Пологицкий Александр Моисеевич (1894–1938), замначальника Управления по кредитованию Наркомата пищевой промышленности СССР.

⁸ Так, например, по указанному адресу (кв. № 3) проживал арестованный 29.01.1938 г. художник Московской конторы Госбанка СССР Артур Карлович Талент (1916–1938), сын одного из основателей компартии США, эмигрировавший в СССР вместе с матерью в 1926 г. Известен и еще один послевоенный адрес. В. В. Герашенко в одном из своих интервью вспоминал: «Жили в доме на углу Новослободской и Бутырского Вала, где к до-революционному дому надстроили пятый... этаж для сотрудников Госбанка, он потом обвалился». В этом доме жили рабочие и служащие завода, производившего авиационные двигатели. См.: «Афиша» 02.02.2012 (<http://www.cfa.su/article874.html>).

⁹ Сканава Николай Александрович (1882–1964), в Госбанке РСФСР с 1922 г., консультант кредитной группы «А» (промышленность) Кредитно-планового управления, уволен в ходе «чистки» советского государственного аппарата, арестован 16 декабря 1930 г. По приговору Коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден по делу о «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (10 лет ИТЛ).

¹⁰ В примечании к своей статье, посвященной директору иностранного отдела Госбанка СССР В. С. Коробкову, я, излагая историю здания, допустил ошибку, не зная об изменении не только названия улицы, но и нумерации домов. См.: Николаев М. Г. Известные судьбы госбанковцев 1920-х: директор иностранного отдела Госбанка СССР В. С. Коробков // Деньги и кредит. 2013. № 8. С. 67.

¹¹ Ежегодник МАО. № 5. Юбилейный выпуск. М., 1927. С. 60.

¹² *Ржевская Е. М.* За плечами XX век. М., 2011. С. 572.

¹³ Там же. С. 40–41, 43–44.

¹⁴ Завод «Дукс» – императорский самолетостроительный завод в Москве, основанный в 1893 г. инженером Ю. А. Меллером. В 1900 г. на базе завода создано акционерное общество. Завод производил самолеты (в основном иностранных моделей), велосипеды, мотоциклы, дрезины, автомобили, аэросани, дирижабли. В 1918 г. национализирован, в феврале 1919 г. переименован в Государственный авиационный завод № 1 (ГАЗ № 1). После расширения деятельности завода и появления новых территорий предприятие, располагавшееся в корпусах бывшего «Дукса», несколько раз меняло свое название (завод № 39 им. В. Р. Менжинского, завод № 32, Машиностроительный завод № 43, «Коммунар»), с 1992 г. – АО «Дукс».

¹⁵ *Юрий и Игорь Тимофеевы.* Наша жизнь день за днем в 1941–1955. Часть 1. – <http://emetod.ru/docs/index-1130442.html>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Подробнее о В. С. Коробкове см.: *Николаев М. Г.* Неизвестные судьбы госбанковцев 1920-х: директор иностранного отдела Госбанка СССР В. С. Коробков // Деньги и кредит. 2013. № 7, 8.

¹⁸ *Ржевская Е. М.* Указ. соч. С. 94–95.

¹⁹ *Киселева Е. Л.* Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник РУДН. Сер. История России. 2009. № 4. С. 66.

²⁰ Там же. С. 73.

²¹ *Рочко Григорий (Гири) Викторович* (1886 – после 1958). Родился в г. Двинске в семье купца. Окончил экономическое отделение С.-Петербургского политехнического института. С конца 1923 г. в Госбанке СССР, директор кредитной группы «Е» (сельское хозяйство) Кредитно-планового управления, замдиректора. Последнее место работы – Наркомзем, консультант финансового сектора. Арестован 16.12.1930 г. Виновным себя признал. По приговору Коллегии ОГПУ 25 апреля 1931 г. был осужден по делу о «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (10 лет ИТЛ). Реабилитирован 3 октября 1957 года.

²² ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 786. Л. 36, 55.

²³ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 786. Л. 57.

²⁴ *Лепешкин Василий Арсеньевич* (январь 1878 – не позже марта 1958). Родился в г. Орле в крестьянской семье. В 1904 г. окончил математический факультет С.-Петербургского университета, работал в Государственном банке. С ноября 1917-го до 1919 г. в Народном (б. Государственном) банке (Москва). С 1919-го по 1921 г. в Наркомфине. С 1921 г. снова в Госбанке, главный бухгалтер. С декабря 1929 г. в НКЗ СССР. Вычищен комиссией по чистке госаппарата. Арестован 2 декабря 1930 г. По приговору Коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. осужден по делу о «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (5 лет ИТЛ). Реабилитирован 10 апреля 1958 года.

²⁵ См. Протокол Центральной комиссии по чистке Госбанка № 33/129 от 13.06.30. – ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 786. Л. 86–86 об.

²⁶ Речь идет о так называемой «золотой операции» 1928 г., когда Госбанк вывез в США

золото в слитках на 5 млн долларов для расчетов по импортным поставкам. После иска Банка Франции, предъявившей претензии и добывавшей конфискации золота, оно было вывезено обратно и депонировано в Рейхсбанк. Подробнее см.: *Николаев М. Г.* Госбанк СССР и «золотая операция» 1928 года // Экономическая история. Ежегодник. М., 2014.

²⁷ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 786. Л. 90–90 об.

²⁸ Чистка советского аппарата. К XVI съезду ВКП(б). М., 1930. С. 22–23.

²⁹ Подробнее см.: *Николаев М. Г.* Разгром «вольных стрелков»: дело о «меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (1930–1931 гг.) // Российская история. 2014. № 2.

³⁰ *Горнштейн Абрам Яковлевич* (1881–?). Родился в г. Одессе в семье мелкого служащего. Член РСДРП (м), осужден в 1906 г. на 8 лет каторжных работ. В 1923 г. поступил в Дальбанк. С декабря 1924 г. до апреля 1929 г. работал в Госбанке СССР. С 1.08.30 до момента ареста – зав. финансово-плановым отделом Московской конторы Акционерного сахарного общества. Арестован 2 декабря 1930 г. По приговору Коллегии ОГПУ осужден по делу о «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (5 лет ИТЛ). Вторично осужден 3.10.1941 г. ОСО при НКВД к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован 22 июня 1963 года.

³¹ *Тимофеев Андриан Федорович* (30.07.1882–1954). Родился в г. Курске в семье купца. В 1913 г. с отличием закончил С.-Петербургский университет. Участвовал в революционном движении. После Октября 1917 г. работал в ВСНХ, Госплане, Госбанке СССР, консультант Правления. Арестован 2 декабря 1930 г. Коллегией ОГПУ 30 мая 1931 г. приговорен к 10 годам ИТЛ. В 1934 г. был возвращен в Москву. Работал в системе Госбанка СССР. Реабилитирован 30 июля 1990 года.

³² ЦА ФСБ России. Д. Р-27952. Т. 1. Л. 355–355 об.

³³ *Ржевская Е. М.* Указ. соч. С. 98–99.

³⁴ Так, в комнату арестованного по «госбанковскому делу» И. Ф. Гиндина был вселен сотрудник ОГПУ, что заставило его жену вместе с дочерью оставить квартиру и переехать к родителям (*Гиндин С. И.* Первый круг судьбы Иосифа Фроловича Гиндина // *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX вв.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 35). По устным воспоминаниям дочери другого арестованного госбанковца – М. В. Виттенберга, после высылки семьи из Москвы их квартиру в Чистом переулке занял также работник «органов».

³⁵ *Юрий и Игорь Тимофеевы.* Наша жизнь день за днем в 1941–1955. Часть 2. <http://emetod.ru/docs/index-1130442.html>.

³⁶ *Пинус Арон Лазаревич.* (1892–1938). Родился в местечке Холмечи (Хаймичи) в Белоруссии. Образование – незаконченное высшее. В системе Госбанка СССР с 1924 г. Зам. начальника Планово-экономического управления, снят с работы по решению Комиссии советского контроля при СНК СССР. Последнее место работы – Управление живописи и выставок «Всекохудожника», коммерческий директор. Арестован 17 апреля 1938 г. Приговорен ВКВС СССР 16.09.1938 к расстрелу и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 7.07.1956 года.

³⁷ *Гробинь Петр Янович* (1894–1938). Ро-

дился в Латвии, член ВКП(б), образование незаконченное высшее, старший консультант Правления Госбанка СССР. Арестован 8 декабря 1937 г. Приговорен ВКВС СССР 8.01.1938 г. по обвинению в шпионаже к расстрелу. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 27.06.1957 года.

³⁸ *Лавров Михаил Александрович* (1899–1937). Родился в Рыбинске. Образование – высшее, зам. начальника Управления центральной бухгалтерии Госбанка СССР. Приговорен ВКВС СССР 26 октября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветской террористической организации. Расстрелян 26 октября 1937 г. Реабилитирован 16 июня 1956 г. Его жена О. М. Кучумова также была репрессирована, отбывала заключение в знаменитом АЛЖИРе («Акмолинском лагере жен изменников Родины»), как его окрестили сами сидельцы), оставила воспоминания. См.: *Кучумова Ольга Михайловна* «Жены (автобиографические записки)». 1961 г. Архив «Мемориала». Ф.2. Оп. 1. Д. 79.

³⁹ *Горбунов Павел Петрович* (14.12.1885–09.12.1937). Родился в г. Кочетав в семье казака, лесного оубездчика. Окончил Лесную школу (техникум), работал по найму. После Октября 1917 г. на советской и партийной работе. Член РКП(б) с апреля 1918 г. В 1930–1931 гг. председатель правления «Гаркребо» в Берлине. С начала 1936 г. начальник Управления по кредитованию организаций лесной промышленности Госбанка СССР. Арестован 25.08.1937 г. Расстрелян 09.12.1937 г. Реабилитирован 20 июня 1956 года.

⁴⁰ *Виносов Михаил Васильевич* (1895–1939). Родился в д. Вознищи Тверской губ., образование высшее; член ВКП(б). Должность перед арестом – управляющий Сельхозбанком СССР. Арестован 16 июля 1938 г. По обвинению в участии в к.-р. террористической организации приговорен 2 марта 1939 г. к расстрелу. Расстрелян 3 марта 1939 г. Реабилитирован в марте 1957 года.

⁴¹ *Алеський Аркадий Осипович* (Иосифович) (1892–1936) – государственный деятель. Из семьи служащего. Имел незаконченное высшее коммерческое образование, профессиональный революционер. В 1919 г. народный комиссар финансов Литовско-Белорусской ССР, с ноября заведующий финотделом Моссовета. В апреле 1920 г. – январе 1921 г. заведующий учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б). В 1921–1927 гг. зам. наркома финансов, член Коллегии НКФ СССР. В декабре 1927 г. исключен из партии как участник «объединенной» («троцкистско-зиновьевской») оппозиции, 31 декабря 1927 г. арестован, приговорен к 3 годам ссылки, восстановлен в ВКП(б) в 1930 г. В 1933 г. выслан в Казахстан, как «активный троцкист». Последнее место работы – зам. управляющего трестом «Карабугазхим» (Туркменская ССР). 4 февраля 1936 г. повторно арестован, обвинен в к.-р. террористической организации. 4 ноября 1936 г. расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988 года.

⁴² ЦА ФСБ России. Д. Р-33517 в 2-х томах. Т. 1. Л. 4–5.

⁴³ Там же. Л. 203–207.

⁴⁴ *Строева М. Н.* Указ. соч.

⁴⁵ *Ржевская Е. М.* Указ. соч. С. 75.

⁴⁶ *Финк Л. А.* И одна – моя – судьба: Воспоминания, раздумья, полемика. Самара, 1993. С. 78–79.

⁴⁷ *Ржевская Е. М.* Указ. соч. С. 40–41.